

Замѣтки о журналахъ.

ОКТАБРЬ 1856.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ЕЯ ПРОГРАММА.—ПОЛЕМИКА СЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ЗАПИСКАМИ.

Читатели знаютъ изъ газетъ, что редакцію «Библиотеки для Чтенія» принялъ на себя г. Дружининъ, и, конечно, раздѣляютъ нашу увѣренность, что теперь русская литература будетъ имѣть однимъ хорошимъ журналомъ болѣе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что новый редакторъ придастъ новую жизнь старшему изъ нашихъ литературныхъ журналовъ: въ томъ ручаются и извѣстныя достоинства г. Дружинина, какъ писателя, и независимое положеніе его въ литературномъ кругу, и общее уваженіе, которымъ онъ пользуется отъ всѣхъ своихъ собратьевъ по литературѣ. «Современникъ» имѣлъ въ г. Дружининѣ одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ втеченіе всѣхъ десяти лѣтъ своего существованія, и мы должны при настоящемъ случаѣ выразить ему за то искреннюю признательность: справедливость требуетъ признать, что г. Дружинину нашъ журналъ обязанъ многимъ. Продолжительныя и тѣсныя отношенія «Современника» съ г. Дружининимъ увѣряютъ насъ, что онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые наиболѣе способны оживить и возвысить во мнѣніи публики журналъ. Его обширная начитанность, его близкое знакомство съ иностранными литературами, его тонкій вкусъ и вѣрный тактъ, его неутомимая дѣятельность,—качества, столь драгоценныя и столь рѣдкія,—служать прочными ручательствами за то, что журналъ, имъ управляемый, пойдетъ по прекрасной дорогѣ. Многочисленныя литературныя связи г. Дружинина должны быть обезпечены за то, что отнынѣ у «Библиотеки для Чтенія» не будетъ недостатка въ матеріалахъ, достойныхъ вниманія и одобренія публики.

Программа, объясняющая, чѣмъ хочетъ и надѣется быть «Библиотека для Чтенія» подъ управленіемъ новаго редактора, написана съ тактомъ, который производитъ самое выгодное впечатлѣніе, и въ такомъ тонѣ, который внушаетъ довѣріе къ надеждамъ и обѣщаніямъ обновляющагося журнала. Журналъ не отказывается отъ своего прошедшаго, въ первомъ періодѣ котораго такъ много было блеска, но вполне признаетъ необходимость принять суще-

ственные изменения, сообразно настоящему развитию нашей литературы. «Новые деятели нового литературного поколения (говорить обьявление), принимая на себя заботы о журналѣ, много лѣтъ считавшемся во главѣ всѣхъ современныхъ ему русскихъ періодическихъ изданій, не могутъ держаться тѣхъ старыхъ основаній, на которыхъ «Библиотека для Чтенія» издавалась двадцать лѣтъ назадъ, въ періодъ наибольшаго своего успѣха. Воззрѣнія изменились съ тѣхъ поръ, просвѣщеніе много двинулось впередъ, журнальное дѣло приняло иной ходъ и инныя условія, самый взглядъ на литературу понесъ великія изменения: всѣ эти обстоятельства не могутъ не обусловливать собой воззрѣній новой редакціи. Со всѣмъ тѣмъ, всякій журналъ имѣетъ свое прошлое, съ которымъ никогда не слѣдуетъ разрывать литературной связи. Какъ ни изменились наши мнѣнія о дѣятельности «Библиотеки для Чтенія» въ первые годы ея основанія, мы вполне сознаемъ, что журналъ имѣлъ полное право на успѣхъ, имѣлъ свою физиономію, о которой не забудетъ новая его редакція. «Библиотека для Чтенія» была журналомъ истинно независимымъ отъ всѣхъ литературныхъ партій, служила посредницей между русскимъ читателемъ и дѣятелями иностранныхъ словесностей и отличалась не только разнообразіемъ, но и общедоступностью статей, въ ней помѣщавшихся. Этихъ самыхъ основаній будетъ тщательно держаться новая редакція. Она озаботится полною всѣхъ отдѣловъ, обратитъ особенное вниманіе на нетронутыя еще сокровища старой и вовой иностранной словесности и станетъ стремиться къ тому, чтобы каждая статья въ журналѣ могла быть занимательною для каждого читателя. Критическая часть изданія приобрететъ полную независимость, можетъ быть, даже смѣлость, исходящую изъ этой самой независимости. Отдѣляясь отъ всѣхъ литературныхъ партій, мы не ставимъ себя къ нимъ во враждебное отношеніе. Глубоко сочувствуя всякой дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія, мы не можемъ даже понять возможности мелкой полемики въ нашемъ журналѣ. Какъ бы смѣлы мы ни были въ нашихъ отзывахъ, намъ никогда не случится забыть, что мы споримъ не съ врагами, а съ литературными товарищами, по разнымъ дорогамъ идущими къ одной и той же общей цѣли».

Нельзя не признать, что программа эта написана съ достоинствомъ и прямою, съ умѣренностью и, вмѣстѣ, твердостью. «Библиотека для Чтенія» будетъ отнынѣ журналомъ съ самостоятельными мнѣніями, эти мнѣнія будутъ выражаться съ благородною смѣлостью, чуждою мелочной придирчивости, но столь же чуждою и робкою шаткостью. Читатели, знающіе г. Дружинина, конечно, увѣрены въ томъ, что это и не можетъ быть иначе въ журналѣ, имъ управляемомъ. «Библиотека для чтенія» не будетъ отголоскомъ того или другаго изъ остальныхъ нашихъ журналовъ, но не будетъ враждебна ни къ одному изъ добросовѣстныхъ мнѣшій, хотя бы и не раздѣляла ихъ; даже на тѣхъ изъ сотоварищей по литературѣ, мнѣнія которыхъ должна будетъ опровергать для проведенія собственныхъ убѣжденій, она будетъ смотрѣть не какъ на враговъ, а какъ на товарищей по стремленію къ общей цѣли, при всей разности въ понятіяхъ о достиженіи этой цѣли,—словомъ, она хочетъ имѣть своимъ девизомъ «независимость и терпимость, твердость убѣжденій и доброжелательство». Какая программа можетъ быть лучше и благороднѣе?—А тонъ

объявленія и яия новаго редактора, повторяемъ, ручаются за неуклонное исполненіе этой благородной программы.

Но какими же силами владѣть въ своихъ сотрудникахъ новая редакція «Библіотеки для Чтенія» для доставленія своему журналу живости и разнообразія, для обезпеченія его литературныхъ и ученыхъ достоинствъ?—(Списокъ новыхъ участниковъ, ¹⁾ приобретенныхъ журналу новою редакціею, даетъ на это отвѣтъ совершенно удовлетворительный. Тутъ мы видимъ имена, принадлежащія людямъ самыхъ различныхъ литературныхъ партій—ручательство за то, что журналъ будетъ занимать среди ихъ независимое положеніе—и почти всѣ эти имена пользуются болѣе или менѣе выгодною извѣстностью—ручательство за то, что въ хорошихъ статьяхъ журналъ не будетъ имѣть недостатка.

Исчисливъ главныхъ своихъ сотрудниковъ и объяснивъ важнѣйшія улучшения, которыя вводитъ въ каждомъ отдѣлѣ журнала, новая редакція «Библіотеки для Чтенія» заключаетъ свою программу, общая дѣятельность честную и постоянную, и упорную», символомъ которой будетъ служить эпиграфъ всего изданія, взятый изъ Гёте: *Ohne Hast, ohne Rast*—«безъ отдыха, безъ торопливости».—Можно и должно вѣрить подобному обѣщанію такого писателя, какъ новый редакторъ «Библіотеки для Чтенія». Но онъ проситъ судить о тѣхъ улучшенияхъ, которыя даются «Библіотекѣ для Чтенія» его управлешемъ, не по однимъ только обѣщаніямъ въ будущемъ, но и по тѣмъ результатамъ, которые отчасти уже достигаются имъ въ настоящемъ. Послѣднія книжки «Библіотеки для Чтенія» за 1856 г., издаваемые новою редакціею—говоритъ программа—«дадутъ публикѣ возможность судить какъ объ улучшенияхъ по журналу, такъ и о томъ литературномъ характерѣ, отъ котораго уже не будетъ уклоняться «Библіотека для Чтенія».—По окончаніи года, мы выскажемъ общее впечатлѣніе, которое произведетъ на насъ обзорѣніе всѣхъ номеровъ, изданныхъ новою редакціею, а теперь пока скажемъ, что первый изъ этихъ номеровъ, октябрьская книжка «Библіотеки для Чтенія», свидѣтельствуетъ о дѣятельности новой редакціи выгоднымъ образомъ. Составъ книжки очень разнообразенъ, многія статьи живы и интересны. Статья редактора о великомъ реформаторѣ Пруссіи, другѣ Императора Александра I, баронѣ Штейнѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Изъ трехъ стихотвореній г. Некрасова, напечатанныхъ въ этомъ номерѣ «Библіотеки», мы позволяемъ себѣ выписать здѣсь одно:

ШКОЛЬНИКЪ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!
Небо, ельнякъ и песокъ—
Невеселая дорога...
Ей, садись во мнѣ, дружокъ!

¹⁾ Оба редактора «Современника» почли своею обязанностию быть сотрудниками «Библіотеки для чтенія», новый редакторъ которой приобрѣлъ великое право на ихъ благодарность какъ прежнимъ своимъ постояннымъ и въ высшей степени полезнымъ сотрудничествомъ, такъ и тѣмъ, что остается и теперь, по прежнему, постояннымъ сотрудникомъ «Современника».

Ноги босы, грязво тѣло
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! Что за дѣло?
Это многихъ славныхъ путь.

Ввжу я въ котомкѣ книжку—
Такъ, учиться ты идешь.
Знаю, батька на сынишку
Издержалъ послѣдній грошъ;

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвертачокъ,
Что проѣзжая купчиха
Подарила ва чаокъ.

Или, можетъ, ты дворовый
Изъ отпущенныхъ?.. Такъ что жь
Случай тоже ужъ ве новый:
Не робѣй, не пропадешь!

Скоро ты узвасъ въ школѣ,
Какъ архангельскій мужикъ,
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разумень и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ...
Кто вибудъ свезетъ въ Москву:
Будешь въ университетѣ,
Сояъ свершится на яву!

Тамъ ужъ поприще широко—
Знай работой да не трусь...
Вотъ за что тебя глубоко
Я люблю, святая Русь!

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ крабъ,
Что выводить средь народа
Столько славныхъ черезъ край.

Столько славныхъ, благородныхъ,
Сидяныхъ любящей душой
Посреди тупыхъ, холодныхъ,
И напыщенныхъ собой.

Мы увѣрены, что въ слѣдующемъ году «Библиотека для чтенія» будетъ имѣть въ публикѣ успѣхъ, заслуживаемый улучшеніями, какія сообщаются этому журналу новою его редакціею, и впередъ радуемся этому успѣху. Но не всѣ думаютъ, подобно намъ, что одинъ журналъ долженъ радоваться успѣхамъ другихъ. У иныхъ всякое улучшеніе въ чужомъ журналѣ возбуждаетъ чувство болѣзненнаго раздраженія, совершенно напраснаго. Вотъ, напримѣръ, едва только мы объявили, что со слѣдующаго года гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ помѣщать свои новыя произведенія исклю-

чительно въ нашемъ журналѣ, какъ одинъ изъ русскихъ журналовъ воскипѣлъ величайшимъ негодоващемъ и наполнился желчными выходками противъ насъ и нашихъ сотрудниковъ. Эту роль угодно было принять на себя, къ сожалѣнiю, «Отечественнымъ Запискамъ»,—къ сожалѣнiю, говоримъ мы, потому что, уважая прекрасное прошедшее этого журнала, мы не хотѣли бы видѣть, чтобы онъ измѣнялъ прежнему своему достоинству и становился въ положенiе, котораго никто не одобритъ.

Октябрьская книжка «Отечественныхъ Записокъ» посвящаетъ «Современнику» нѣсколько десятковъ страницъ. Походъ начинается длиннѣйшею филиппикю г. Галахова противъ одного изъ эпизодовъ статьи г. Лайбова о «Собесѣдникѣ Любителей Россiйскаго Слова»; предполагая, вѣроятно, большiя достоинства въ этой филиппикѣ, «Отечественныя Записки» помѣстили ее въ отдѣлъ критики. Затѣмъ, въ «Литературныхъ и Журнальныхъ Замѣткахъ» слѣдуютъ выходки противъ шестой статьи «Очерковъ гоголевскаго періода», противъ объявленiя о томъ, что господа Григоровичъ, Островскiй, Толстой и Тургеновъ съ наступающаго года будутъ помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникъ», и наконецъ вновь противъ статьи г. Лайбова. Словомъ, батареи гремятъ... Причина этого грома ясна.

Но подумали ль «Отечественныя Записки» о томъ, какую роль онѣ принимаютъ на себя? Вѣдь онѣ становятся относительно «Современника» въ то самое положенiе, въ какомъ нѣкогда угодно было стоять «Сѣверной Пчелѣ» относительно «Отечественныхъ Записокъ». Объяснять ли свойство этой роли? Оно въ старыя годы было прекрасно объясняемо «Отечественными Записками», когда онѣ подвергались добросовѣстнымъ нападенiямъ правдолюбивой газеты за то, что были журналомъ не похожимъ на журналы, издававшiеся издателями «Сѣверной Пчелы». Напомнимъ «Отечественнымъ Запискамъ» ихъ прежнее благородное время, ихъ прежнiя справедливыя и прекрасныя слова. Они совершенно прилагаются къ настоящему случаю; только—увы—то, что говорилось тогда «Отечестве нынѣ Записками» о «Сѣверной Пчелѣ», могло быть сказано нынѣ «Современникомъ» объ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Сентябрь мѣсяць—время подписки на журналы, время крика и тревогъ въ извѣстной сторонѣ русской журналистики. Журналисты или газеты, для вторыхъ наука, искусство, литература—не болѣе, какъ слова, сидящiя въ ихъ программахъ, ждутъ не дождутся этого блаженнаго времени. Цѣлый годъ чахнуть они отъ недостатка пищи и только въ это время начинаютъ какъ будто оживать. Слышите ли, какъ они теперь начинаютъ разназывать всевозможныя выдумки о журналахъ, которые, гордецы, и знать не хотять ихъ; какъ увѣряютъ, что тѣ журналы, суду которыхъ публика вѣрить и на которые подписывается, никуда не годятся... Словомъ, въ это время газеты воскресаютъ и начинаютъ заниматься тѣмъ, что на ихъ языкѣ называется *литературою* и что на обыкновенномъ языкѣ называется *сплетнями*. Это фактъ замѣчательный: на него непремѣнно долженъ обратить свое вниманiе будущiй историкъ такъ называемой русской литературы, долженъ сообщить его всему образованному миру. «Русскiе журналы»—скажетъ онъ съ горькою улыбкою—«большею частью спятъ въ продолженiе года; они просыпаются только отъ сентября до декабря мѣсяца и, проснувшись, начинаютъ говорить о подписчикахъ, выдумывая другъ на друга сплетни». За такое открытiе будущему историкъ скажетъ спасибо Европа, въ которой до сихъ поръ не бывало и нѣтъ еще ничего подобнаго. Кто не знаетъ, что вездѣ есть журнальныя споры, вездѣ есть полемика, гдѣ только есть литература? Но эти споры

имѣютъ источникомъ своимъ разнорѣчіе въ ученыхъ или литературныхъ убѣжденіяхъ двухъ сторонъ; отъ препій между этими сторонами выигрываетъ или наука, или общество; у насъ же,—извините,—дѣло идетъ о предметѣ гораздо интереснѣйшемъ—о числѣ подписчиковъ чужаго журнала, о чужихъ приходихъ и расходахъ..

«На этомъ поприщѣ съ честію и славою всегда падавzалась «Сѣверная Пчела» преимущественно передъ всѣми другими русскими журналами. Ежегодно пробуждается она въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Къ этому мы такъ же привыкли, какъ къ ежедневной смѣнѣ дня ночью, и, признаемся, начинала уже удивляться, что въ нынѣшнемъ году «Сѣверная Пчела» какъ будто измѣнила неизмѣнному закону своего существованія—молчала въ то время, какъ почти всѣ журналы объявили о подпискѣ на будущій годъ; мы уже безпокоились о здоровьѣ «Сѣверной Пчелы» и думали, что русская журналистика лишалась одного изъ своихъ родныхъ пятнышекъ, такъ рѣзко обозначающихъ ея фізіономію. Но опасенія наши исчезли съ появленіемъ 207 нумера (18 сентября) этой газеты. Нѣтъ, жива «Сѣверная Пчела»! опять воскресли ея объявленія о подпискѣ на журналы! 207 нумеръ ея обогащаетъ новымъ фактомъ разсказъ будущаго историка русской литературы, выясняя ему одну изъ самыхъ ааввмательныхъ торговыхъ и нравственныхъ сторонъ нашей журналистики.

«Всѣмъ извѣстны отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»; всѣмъ извѣстно, какъ, еще до появленія первой изъ книжки, «Сѣверная Пчела» въ 25 статьяхъ доказывала, что этотъ журналъ (еще не появившійся) никуда не годится и умретъ при самомъ своемъ началѣ. Извѣстно также, какъ оправдались эти предсказанія и какъ съ тѣхъ поръ «Сѣверная Пчела», всегда больная чужимъ здоровьемъ, преимущественно страдала и страдаетъ отъ цвѣтущаго здоровья «Отечественныхъ Записокъ.» Впродолженіе трехъ лѣтъ она не переставала повторять, и прямо и косвенно, тѣ же самыя фразы, увѣщевая читателей, ради всего святаго, не подписываться на «Отечественныя Записки», державшія такъ откровенно высказывать свое мнѣніе о ней самой и о сочиненіяхъ ея издателей. Но представьте же непокорство этой своенравной публики: она съ каждымъ годомъ, какъ бы на зло увѣщаніямъ «Сѣверной Пчелы», подписывалась на большее число экземпляровъ «Отечественныхъ Записокъ» и наконецъ простерла дерзость свою и охоту читать этотъ журналъ до того, что «Отечественныя Записки» не только здраво и невредимо просуществовали три года, но объявили объ изданіи на четвертый годъ, да еще и съ новыми улучшеніями. («Отеч. Зап.», томъ XVIII, Библ. Хрон., стр. 63—64).

Тутъ нужно только поставить на мѣсто «Отечественныхъ Записокъ»—«Современникъ», на мѣсто «Сѣверной Пчелы»—«Отечественныя Записки», на мѣсто «трехъ лѣтъ» и «объявленія на четвертый годъ»—«десять лѣтъ» и «объявленіе на одиннадцатый годъ», на мѣсто «сентябрь»—«октябрь»,—всѣ остальные подробности не нуждаются ни въ малѣйшихъ измѣненіяхъ, чтобы прямо примѣняться къ настоящему случаю.

По подобными нападеніями тотъ ли достигается результатъ, который имѣется въ виду? Опять просимъ «Отечественныя Записки» припомнить, вредъ или пользу приносили имъ нападки «Сѣверной Пчелы». Въ былое время «Отечественныя Записки» хорошо понимали это. «Современникъ» приобрѣлъ честь служить единственнѣмъ журналомъ, въ которомъ будутъ помѣщать свои произведенія четыре литератора, пользующіеся особенною любовью публики,—онъ гордится этою честью, онъ объявляетъ о томъ, онъ хочетъ, чтобы всѣ читатели знали это,—что же дѣлаютъ «Отечественныя Записки»? начинаютъ шумно толковать о томъ самомъ, что такъ пріятно для «Современника». Спрашивается: во вредъ или въ пользу «Современнику» послужитъ шумъ, поднимаемый «Отечественными Записками»? Конечно, чѣмъ больше будутъ толковать о томъ, что гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ будутъ со елѣдующаго года

помещать свои произведения исключительно в «Современникъ», тѣмъ большую услугу окажутъ нашему журналу. Бывало, точно такъ же услуги оказывала «Сѣверная Пчела» «Отечественнымъ Запискамъ», и пусть «Отечественныя Записки» вспомнятъ, съ какимъ чувствомъ принимали онѣ ея хлопоты о распространеніи ихъ извѣстности. Вотъ подлинныя слова старыхъ «Отечественныхъ Записокъ» объ этомъ предметѣ. Каждая фраза, каждое слово этого прекраснаго замѣчанія вполнѣ и буквально примѣняются къ шуму, поднимаемому «Отечественными Записками» о нашемъ журналѣ.

«Вѣроятно, немногіе изъ читателей подозреваютъ истинныя отношенія «Сѣверной Пчелы» къ «Отечественнымъ Запискамъ»: большая часть убѣждена, что между обоими этими изданіями существуетъ вражда непримиримая, ненависть заклатая. Такъ должно бы, казалось, заключать по наружности... Но, милостивые государи, наружность обманчива, особенно наружность журнальныхъ перебрановъ, которыхъ настоящее значеніе можетъ быть объяснено только временемъ. Время мало по налу объяснило и отношенія наши къ «Сѣверной Пчелѣ»; скрывать долѣе истину опасно, ибо дальнѣйшая мистификація можетъ быть бесполезною: читатели сами скоро будутъ въ состояніи обличить ее. Впрочемъ, прозорливѣйшіе изъ нихъ давно уже поняли, въ чемъ дѣло, и давали намъ это чувствовать: они видѣли, что «Сѣверная Пчела» всегда состояла по особымъ порученіямъ при «Отечественныхъ Запискахъ» съ самаго начала изданія этого журнала, и не только никогда не старалась вредить ему, но съ неутомимымъ усердіемъ распространяла его извѣстность до отдаленнѣйшихъ конновъ читающаго міра. Было бы неблагодарностью съ нашей стороны молчать объ услугахъ и не изъявить этой газетѣ признательности. — особенно теперь, когда мы уже пользуемся этими услугами пять лѣтъ... Пять лѣтъ усердной службы—это, право, стоитъ награды, и вотъ, при окончаніи пятаго года изданія «Отечественныхъ Записокъ», долгомъ считаемъ принести «Сѣверной Пчелѣ» нашу искреннюю благодарность за все то, что сдѣлано ею втеченіе этого времени въ вашу пользу. А сдѣлано ею многое, и очень многое. Вспомните: прежде еще, нежели мы успѣли объявить о намѣреніи своимъ издавать журналъ, «Сѣверная Пчела» предвѣряла объ этомъ публику нѣсколькими статьями безъ всякой съ нашей стороны просьбы и тѣмъ заинтересовала читателей увидѣть поскорѣе новый журналъ; послѣ появленія программы, она неутомимо хлопотала о томъ, чтобъ всѣ узнали эту программу, и каждый день твердила о ней каждому изъ своихъ читателей; по выходѣ первой книжки журнала, она тотчасъ напечатала оглавленіе статей ея, съ разборомъ каждой изъ нить, и потомъ начала еженедѣльно и ежедневно толковать объ «Отечественныхъ Запискахъ», и только объ однихъ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ будто бы, кромѣ ихъ, не было въ Россіи не одного журнала. Такое постоянное обращеніе къ одному и тому же изданію впродолженіе дѣльныхъ мѣсяцевъ и дѣльныхъ годовъ постоянно заинтересовывало публику, возбуждало въ ней желаніе читать журналъ... Словомъ, «Сѣверная Пчела» ни разу не измѣняла своей обязанности въ отношеніи къ «Отечественнымъ Запискамъ» и дѣлала въ пользу ихъ все, что только могла дѣлать. Большаго мы в не имѣли права отъ нея требовать. Постоянно пять лѣтъ была она на стражѣ нашихъ интересовъ и служила на пользу вашу вѣрой и правдой, по крайнему своему разумѣнію. Умудренная многолѣтнимъ опытомъ, она знаетъ, какъ важно для всякаго журнала напоминать о немъ публикѣ въ то именно время, когда онъ объявляетъ подписку на слѣдующій годъ, когда онъ объясняетъ предполагаемыя имъ улучшенія; она понимаетъ, что чѣмъ большее число читателей будетъ знать это, тѣмъ выгоды для журнала,—и вотъ она усиливаетъ свою дѣятельность осенью и, по выходѣ объявленія о продолженіи «Отечественныхъ Записокъ», толкуетъ о нихъ ежедневно однажды навсегда принятымъ тономъ, хлопочетъ неутомимо о распространеніи подписки на этотъ журналъ... Спасибо, и еще разъ спасибо, доброй газетѣ! Такъ поступала она впродолженіе пяти лѣтъ, такъ поступаетъ до сихъ поръ и, мы увѣрены, не разеердятся на васъ за откровенное объясненіе передъ публикою настоящихъ ея къ намъ отношеній. Мы и

безъ того уже, долго молчали о томъ; благодарность наша не въ силахъ долѣе скрыватьсѣ, и мы рѣшились публично засвидѣтельствовать ее. Это, по вашему вѣнью, нисколько не должно уменьшитъ, а, напротивъ, увеличитъ усердіе «Сѣверной Пчелы», которую мы убѣдительно просимъ и на этотъ разъ не прекращать своихъ напоминашій объ открывшейсѣ теперь подпискѣ на издаше нашего журнала въ 1844 году. Мы были бы въ отчаяніи, еслибъ «Сѣверная Пчела» *отложила*сь отъ «Отечественныхъ Записокъ»: такой усердной помощницы не найтн намъ... Но вѣтъ! мы чувствуемъ, «Сѣверная Пчела» создана для услугъ «Отечественнымъ Запискамъ»; измѣнить этому назначенію—для нея значило бы умереть... («Отечественныя Записки», томъ XXX, Смѣсь, стр. 118—120).

Удивительна точность, съ какою всѣ обстоятельства борьбы «Сѣверной Пчелы» противъ «Отечественныхъ Записокъ» повторялись и повторяются въ борьбѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ нашего журнала. Все буквально сходно: какъ «Сѣверная Пчела», еще до появленія первой книги «Отечественныхъ Записокъ», осыпала ихъ безцеремонными выходками, точно также, яъ свою очередь, «Отечественныя Записки» еще до появленія первой книги «Современника» уже возставали противъ начинающагося журнала ¹⁾; какъ неутомимо хлопотала «Сѣверная Пчела» о распространеніи извѣстности «Отечественныхъ Записокъ» втеченіе пяти лѣтъ, такъ неутомимо «Отечественныя Записки» хлопочуть уже десять лѣтъ о распространеніи извѣстности «Современника», и съ такою же пользою для нашего журнала. Вѣрная служба ихъ намъ вдвое продолжительнѣе, потому мы имѣемъ двойную обязанность выразить къ «Отечественнымъ Запискамъ» ту же самую благодарность, какую онѣ выражали вѣкогда «Сѣверной Пчелѣ»:

«Делство вниманіе къ намъ со стороны «Сѣверной Пчелы» и вѣрная долговременная служба ея «Отечественнымъ Запискамъ» трогаютъ насъ до глубины души, и мы, въ концѣ года, обязанностію считаемъ свидѣтельствовать ей нашу искреннюю благодарность. Почти не бываетъ нумера этой газеты, въ которомъ не говорилось бы, прямо или косвенно, объ «Отеч. Запискахъ». Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ году усердіе «Сѣверной Пчелы» не ослабевтъ. («Отеч. Зап.» томъ XXXI, Смѣсь, стр. 128).

Но—говорили въ старину «Отечественныя Записки», несмотря на всю свою глубокою признательность къ усердной служительницѣ — необходимо бывало иногда противорѣчить ей, потому что излишнее усердіе ея къ своему дѣлу вовлекало ее иногда въ ошибки, о которыхъ невозможно было молчать:

«Но какъ ни умѣемъ мы чувствовать услугъ, намъ овазываемыхъ, однакожь, дорого цѣня истину, не можемъ иногда не поправлять ошибокъ, дѣлаемыхъ «Сѣверною Пчелою» въ статьяхъ объ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ усердіи своемъ къ нашимъ пользамъ, вта добрая помощница наша иногда говорить больше, нежели сколько требуетъ отъ нея ея обязанность,—а это можетъ вводить публику въ заблужденіе. Нашъ долгъ—останавливать такое слѣпое усердіе и вводить его въ надлежащія границы».

Читатели знаютъ, что мы давно — съ начала нынѣшняго года, когда принуждены были посовѣтовать «Отечественнымъ Запискамъ» не продолжать удивительныхъ статей г. В. Б — ва о мнѣшяхъ «Современника» (въ чемъ

¹⁾ Смотри. «Сѣв. Пчелу» за послѣднюю половину 1838 года в «Отеч. Зап.» за послѣднюю половину 1846 года.

«Отечественныя Записки» и послушались нашего совѣта) — не обнаруживали ни малѣйшей охоты разсуждать съ «Отечественными Записками», хотя этотъ журналъ рѣшительно въ каждомъ номерѣ дѣлалъ нѣсколько прямыхъ или косвенныхъ выходовъ противъ нашего журнала (какъ нѣкогда «Сѣверная Пчела» противъ «Отечественныхъ Записокъ»). Читатели повѣряютъ намъ, что мы не чувствуемъ особеннаго расположенія къ тому и въ настоящее время. Точно таково было нѣкогда расположеніе «Отечественныхъ Записокъ» относительно отвѣтовъ на выходы «Сѣверной Пчелы».

«Если мы когда либо доходили до какихъ нибудь объясненій (съ ратниками «Сѣв. Пчелы»), то не иначе, какъ отвѣчали на ихъ выходы и придирки. И вотъ уже нѣсколько нѣсповъ, какъ въ «Отеч. Запискахъ» совсѣмъ не появлялось такого рода объясненій, изъ чего, однакожъ, отнюдь не должно заключать, чтобъ имъ не на что и некому было отвѣчать, но что онѣ не хотѣли только обращать ввамавія на немощныя усилія своихъ почтенныхъ доброжелателей. Подобная умѣренность только еще болѣе раздражала ихъ, и они съ большею настойчивостію напрашиваются на наше благосклонное вниманіе. Что дѣлать? Надо на время отложить гордость въ сторону: въ журналѣ, какъ и въ обществѣ, все всегда можно говорить только съ тѣми, чье собесѣдничество сообразно съ вашимъ достоинствомъ, по и съ тѣми, которые не перестаютъ заговаривать съ вами, по неумѣнію растолковать вашего молчанія. Пусть будетъ такъ: *tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin!*. («Отеч. Зап.», т. XXXVI, Смѣсь, стр. 108).

Все это теперь буквально примѣняется нами къ «Отечественнымъ Запискамъ», и въ особенности слова: «*Tu l'as voulu, tu l'as bien voulu, George Dandin*». Мы вовсе не хотѣли бы говорить, но «Отечественныя Записки» напрашиваются на отвѣтъ. Пусть онѣ толковали бы, что «Современникъ» плохой журналъ, что его не стоитъ читать, не стоитъ на него подписываться, — мы молчали бы, какъ молчали до сихъ поръ и какъ теперь не считаемъ нужнымъ отвѣчать на выходы «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Очерковъ гоголевскаго періода».

«Очерки гоголевскаго періода» не подписаны фамиліею автора, стало быть, только редакція «Современника» могла бы оскорбляться не совсѣмъ деликатными выраженіями «Отечественныхъ Записокъ» объ этихъ статьяхъ, — а редакція «Современника» не можетъ огорчаться упреками журнала, забывающаго о приличіи, особенно, когда знаетъ причину его гнѣва (объясненную выше при помощи старыхъ отвѣтовъ «Отечественныхъ Записокъ»). О насъ пусть говорятъ «Отечественныя Записки» все, что имъ угодно; но «Отечественныя Записки» касаются не только насъ, но и сотрудниковъ, нами уважаемыхъ. Этого мы не можемъ оставить безъ отвѣта. *Tu l'as voulu, George Dandin*.

Нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ публикою литераторовъ согласились и общались помѣщать свои статьи исключительно въ «Современникъ». Этою честью «Современникъ» долженъ гордиться: какъ ни толкуйте фактъ, съ какой стороны ни смотрите на него, ничего вы въ немъ не найдете такого, что можно было бы осудить. Въ иностранныхъ литературахъ мы найдемъ тому множество примѣровъ. Изъ англичанъ, Маколей писалъ исключительно для «*Edinburgh Review*», Диккенсъ для «*Daily News*», Теккерей для «*Punch's*»; изъ французовъ, Жоржъ Сандъ исключительно для «*Revue des deux Mondes*»; изъ нѣмцевъ, Гейне исключительно для «*Allgoimaine Zeitung*». Кажется, пяти

названныхъ нами писателей составляютъ цвѣтъ европейской современной литературы, — кажется, нѣтъ изъ новыхъ писателей во Франціи, Англии, Германіи еще никого, кто могъ бы быть поставленъ на ряду съ ними, какъ по первоклассному таланту, такъ и по чистотѣ своихъ литературныхъ отношеній. Кажется, ясно: всѣ знаменитости европейской литературы дѣлали то же самое, что теперь намѣрены дѣлать гг. Григоровичъ, Островскій, Толстой и Тургеневъ, т. е. входили съ однимъ изъ періодическихъ изданій своей родины въ соглашеніе такого содержанія, чтобы быть сотрудниками исключительно этого журнала. И что тутъ страннаго? Это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности ихъ положенія въ литературѣ. Почему, наприимѣръ, Теккерей писалъ исключительно въ журналъ «Punch»? между прочимъ, потому, что объявленіе о своемъ исключительномъ участіи въ этой газетѣ было для него вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ докучливости какого нибудь «Blackwood's Magazine», издатель котораго не давалъ ему ни минуты свободнаго отдыха неотступными просьбами объ осчастливленіи «Blackwood's Magazin'a» помѣщеніемъ своего разказа, между тѣмъ, какъ Теккерей не питалъ особенной симпатіи къ «Blackwood's Magazin'u». Ясно ли, что Теккерей уже по одной этой причинѣ было необходимо сдѣлаться сотрудникомъ исключительно «Punch'a»? — вѣдь каждый человѣкъ, писатель или не писатель, долженъ принимать мѣры для отвращенія отъ себя неотступныхъ просьбъ, нимало не приятныхъ. Конечно, издатель «Blackwood's Magazin'a» чувствовалъ досаду на Теккерей за то, что этотъ знаменитый писатель избралъ не его журналъ, а другое періодическое изданіе для помѣщенія своихъ трудовъ; но у Теккерей были на то очень основательныя причины. Во первыхъ, «Blackwood's Magazine», нѣкогда пользовавшійся уваженіемъ публики, потерялъ это уваженіе чрезъ то, что сталъ помѣщать слишкомъ много дурныхъ статей: что за охота Теккерей являться передъ публикою въ обществѣ какого-нибудь бездарнаго Броуна или обскуранта Блека, наполняющихъ нынѣ своими издѣльями «Blackwood's Magazine»? Были и другія причины, отвращавшія Теккерей отъ «Blackwood's Magazin'a» и привлекавшія его къ участію въ «Punch'ѣ». У Теккерей есть друзья — эти друзья помѣщаютъ свои произведенія въ «Punch'ѣ», и ихъ (людей талантливыхъ) безпощадно бранить и чернить «Blackwood's Magazine», выходя, при этомъ, за границы всякаго литературнаго приличія и восхваляя различныхъ бездарныхъ своихъ сотрудниковъ. Скажите, что за удовольствіе Теккерей печатать свои произведенія въ журналъ, который вовсе въ литературномъ образѣ бранить его друзей, талантливыхъ писателей, пользующихся уваженіемъ cadaго порядочнаго человѣка въ Англии? Были и другія причины, столь же уважительныя. Наприимѣръ, Теккерей, какъ извѣстно, другъ просвѣщенія, «Punch» заштитникъ просвѣщенія, а «Blackwood's Magazine» иногда сильно грѣшитъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, самъ не понимая того, но все-таки грѣшитъ противъ просвѣщенія. Словомъ сказать, когда «Blackwood's Magazine» началъ возетавать противъ Теккерей за то, что этотъ писатель не помѣщаетъ своихъ прекрасныхъ разказовъ въ его журналъ, то вся публика приняла сторону Теккерей, и «Blackwood's Magazine» скоро увидѣлъ, что лучше ему, «Blackwood's Magazin'u», молчать объ этомъ дѣлѣ. Этимъ, впрочемъ, исторія не кончилась: издатель «Blackwood's Magazin'a» человѣкъ

опытный въ литературно-коммерческихъ дѣлахъ, хотя иногда увлекающійся своими гнѣвными чувствами, но человѣкъ разсудительный. Онъ знаетъ, что журналу всего болѣе вредить то, когда онъ рѣшается чернить писателей, уважаемыхъ и любимыхъ публикою, особенно, если публика догадывается, по какимъ соображеніямъ это происходитъ. Онъ понялъ, что за выходки противъ Теккерей публика лишитъ своего послѣдняго довѣрш «Blackwood's Magazine», что онъ, «Blackwood's Magazine», сдѣлалъ страшно невыгодную для себя ошибку, обнаруживъ свою досаду на Теккерей, что единственное средство исправить свой неловкій промахъ и заставить публику забыть оскорбленія, несправедливо нанесенныя ей любимому писателю, это начать, скрѣпя сердце, превозносить Теккерей больше, нежели когда нибудь,—и черезъ годъ послѣ раздраженныхъ выходокъ «Blackwood's Magazine» обратился въ ревностиѣйшаго поклонника прекрасныхъ произведеній Теккерей. Поступая такимъ образомъ, издатель «Blackwood's Magazine» доказалъ, что онъ человѣкъ съ тактомъ: въ самомъ дѣлѣ, только люди, лишенные такта, не удерживаются отъ выраженій своей досады тогда, когда эта досада можетъ повредить имъ самимъ въ общемъ мнѣніи.

Въ русской литературѣ также часто бывали примѣры, подобные тому, о которомъ идетъ рѣчь. Напримѣръ, когда основалась «Библіотека для Читеніи», многіе изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ (въ томъ числѣ Пушкинъ) общались свое сотрудничество исключительно этому журналу, и никто не могъ видѣть въ томъ ничего, кромѣ хорошаго. Но самые многочисленныя примѣры исключительнаго сотрудничества въ одномъ журналѣ представляетъ исторія «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, о которомъ мы всегда вспоминаемъ съ величайшимъ уваженіемъ. Кто имѣлъ право негодовать на Лермонтова за то, что онъ помѣщалъ свои произведенія исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ»? Напротивъ, это исключительное сотрудничество Лермонтова приносило честь какъ великому поэту, такъ и г. Краевскому, редактору «Отечественныхъ Записокъ». «Если такой писатель, какъ Лермонтовъ (думала публика, и думала справедливо) настолько уважаетъ журналъ г. Краевскаго, что хочетъ имѣть дѣло исключительно съ нимъ, это самымъ выгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ въ пользу г. Краевскаго. Съ другой стороны, о характерѣ Лермонтова свидѣтельствуетъ самымъ выгоднымъ образомъ то обстоятельство, что онъ печатаетъ свои произведенія въ журналѣ г. Краевскаго, котораго уважаетъ, и не соглашается печатать ихъ въ «Сѣверной Пчелѣ». Точно также исключительно въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатали свои произведенія другіе лучшие наши литераторы тогдашняго времени, и «Отечественныя Записки», быть можетъ, согласятся, что въ такомъ обстоятельствѣ не было ничего предосудительнаго для литераторовъ, желавшихъ быть исключительно сотрудниками этого журнала.

Довольно ли убѣдительно для «Отечественныхъ Записокъ» эти примѣры и объясненія? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что онѣ становятся въ самое невыгодное положеніе, обнаруживая несправедливую досаду на писателей, согласившихся помѣщать свои произвенія исключительно въ «Современникѣ»? Поймутъ ли «Отечественныя Записки», что на фактъ, столь простой и натуральный, защищаемый примѣромъ всѣхъ знаменитостей европейской литературы

я исторією самихъ «Отечественныхъ Записокъ» въ блестящее время ихъ существованія, невозможно нападать безъ того, чтобы нападающій не уронилъ себя въ общемъ мнѣніи?

Мы вовсе не имѣемъ охоты продолжать этихъ объясненій, какъ не имѣли охоты и начинать ихъ (по тѣмъ самымъ чувствамъ, которыя нѣкогда прекрасно были выражаемы «Отечественными Записками» относительно «Сѣверной Пчелы»). Мы предоставляемъ «Отечественнымъ Запискамъ» полнѣйшую свободу говорить что угодно о насъ самихъ. Но одного мы не позволимъ дѣлать безнаказанно: бросать неблагоприятную тѣнь на тѣхъ писателей, которые дѣлаютъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній. Тутъ мы на каждый кривой намскъ будемъ отвѣчать фактомъ, на каждое объясненіе—разъяснемъ дѣла, и не уступимъ ни шагу. Надѣемся, положеше дѣла таково, что общее мнѣніе будетъ на нашей сторонѣ, какъ было оно нѣкогда на сторонѣ «Отечественныхъ Записокъ» противъ «Сѣверной Пчелы».

Приводимъ выходку «Отечественныхъ Записокъ» противъ писателей, которые обѣщались помѣщать свои произведенія исключительно въ «Современникъ». Пусть судить читатель, много ли въ ней остроумія и правды.

«Русскій языкъ удивительно богатъ. Давно извѣстно, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ превосходныя качества другихъ языковъ, что на немъ можно выражать мысли о какихъ угодно предметахъ, начиная съ самыхъ возвышенныхъ и оканчивая самыми низкими. Даже знаменитые стихи Пушкина, что

. . . гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

кажутся теперь анахронизмомъ. Въ русскомъ языкѣ—этомъ неисчерпаемомъ сокровищѣ всевозможныхъ словъ и оборотовъ, легко отыщутся точныя реченія для замѣны реченій иностранныхъ, которыхъ у насъ такъ много и которыя, собственно говоря, нѣтъ надобности и переводить, потому что они понятны всѣмъ, мало-мальски грамотнымъ людямъ.

«Новѣйшее, если не послѣднее, доказательство неистощимаго богатства нашего языка мы видимъ въ объявленіи «Объ изданіи Современника въ 1857 году». («Московскія Вѣдомости», № 114). Въ немъ, между прочимъ, сказано:

«Взаимный обмѣнъ мыслей, здѣсь (въ «Объявленіи») изложенныхъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ *обязательное соглашеніе* между редакціею «Современника» и нѣсколькими литераторами...»

«*Обязательное соглашеніе!*.. да что жъ это иное, какъ не контрактъ? Двама русскими словами замѣнено здѣсь одно иностранное, и не только замѣнено, но и опредѣлено въ точности. Можно было, пожалуй, распространить это опредѣленіе, какъ и распространяютъ его французы, говоря, что контрактъ — *e'est une convention par laquelle une partie s'engage à faire ou ne pas faire quelque chose, on plus spécialement l'acte même qui forme la preuve littérale de l'engagement contracté*; но какая въ томъ надобность? Французы, по бѣдности языка своего, принуждены *bon gré mal gré* пускаться въ длинныя объясненія и перифразы. Богатый языкъ нашъ не имѣетъ въ томъ никакой надобности: онъ гордо произноситъ: *обязательное соглашеніе!* и каждый понимаетъ, что это значить, хотя бы подлѣ этихъ словъ и не стояло въ скобкахъ слово *контрактъ*.

Какая милая свѣтскость въ этихъ французскихъ фразахъ! «Отечественныя Записки» могутъ вспомнить, каковы были ихъ сужденія о подобныхъ острогахъ «Листка для Свѣтскихъ Людей»: этотъ несчастный журналецъ, на

который нѣкогда еъ такіиъ еправедливииъ соетрадавииъ смотрѣли «Отечественныя Зап.», писался совершенно такимъ же языкомъ, и достоинство его юмора было совершенно таково же, какъ въ строкахъ, которыми начинается филиппика противъ «обязательнаго соглашенія». Попробуемъ объяснить «Отечественнымъ Запискамъ», въ чемъ онѣ ошиблись, увлеклись несправедливою досадою.

Итакъ (продолжаютъ «Отечеств. Зап.»), «заключенъ контрактъ между нѣсколькими литераторами и редакторами «Современника»—это что-то неслыханное въ нашей литературѣ». Если бы въ дѣйствительно это было дѣло неслыханное, изъ того не слѣдуетъ еще, что это дѣло дурное, а только то, что это дѣло новое. Первая желѣзная дорога, первая печатная книга—все это были дѣла неслыханныя до того времени, и, однако же, дѣла очень хорошія. Но дѣйствительно ли взаимныя обязательства между литераторами и журналистами новость въ нашей литературѣ? Каждому извѣстно, что вовсе не новость. Журналу всегда необходимо сотрудничество нѣсколькихъ лицъ; журналъ всегда бываетъ дѣломъ общаго труда, а общій трудъ невозможенъ безъ взаимныхъ обязательствъ между лицами, его раздѣляющими. Кажется, все это просто и неоспоримо? Кажется, все это по собственному опыту извѣстно каждому русскому литератору или журналисту съ того времени, какъ существуютъ у васъ порядочные журналы. А кому не извѣстно, можетъ узнать хотя бы изъ біографіи Пушкина, приложенной къ новому его изданію. Чему же дивятся «Отечественныя Записки», если нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ литераторовъ вступили съ «Современникомъ» въ такія отношенія, въ какія вступалъ Пушкинъ съ однимъ изъ тогдашнихъ журналовъ? Мы нѣсколько разъ перечитывали статью «Отечественныхъ Записокъ» и никакъ не могли найти въ ней яснаго выраженія относительно предмета ихъ удивленія и жалобы. Все ограничивается какими-то смутными возгласами. Мы не удивляемся этой темнотѣ: кто чувствуетъ, что жалоба его неосновательна, досада несправедлива, всегда старается запутать и затемнить дѣло; но кто не смѣетъ ясно выражать своей жалобы (чувствуя, что ова неосновательна), долженъ быть но слишкомъ щедръ на упреки другимъ, особенно, когда эти другіе заслужили общее уваженіе. Кто не только безъ всякаго права оскорбляетъ темными намеками людей, уважаемыхъ обществомъ не только за ихъ талантъ, но и за высокую безукоризненность ихъ душевнаго благородства, тотъ подвергаетъ себя опасности показаться обществу человѣкомъ другаго рода.

Клевета пятнаетъ въ общемъ мнѣвіи не того, на кого клеветуютъ, а того, кто клеветаетъ.

Предоставляемъ нравственному чувству чвтателей судить о слѣдующихъ выраженіяхъ «Отеч. Записокъ».

Къ литератору преимущественно относится строгій приказъ русской пословицы: «давши слово—держись». Онъ больше, чѣмъ кто-либо другой, обязанъ быть рабомъ своему слову. Овъ до того ему крѣповъ, что въ другой крѣпости или въ другомъ рабствѣ не видятъ въ малѣйшей нужды. Давая слово, овъ вмѣстѣ съ вмъ владеть и честь свою, потому что на каждое свое слово смотритъ какъ на «ragole d'honneur». Поэтому «обязательное соглашеніе», въ отношенія къ литераторамъ—странный плеоназмъ, бросающій грустную тѣнь на обѣ обязывающіяся стороны. Развѣ соглашеніе или согласіе, произнесенное просто-на-просто голосомъ, то есть выраженное изустно, не

есть своего рода обязательство? Чѣмъ же другимъ можетъ быть оно въ благородномъ званіи литератора?

Пропускаемъ остроумную тираду о дружбѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, которые не обязывали другъ друга никакими контрактами— юморъ этой тирады столь же хорошъ, какъ и начало статейки—но емьслъ ея непостижимъ здравому уму,—и читаемъ далѣе:

Предки наши, не знавшіе ни иностраннаго слова «контрантъ», ни перевода его на русскій языкъ «обязательное соглашеніе», говорили коротко и ясно: «кто измѣнитъ своему слову, тому да будетъ стыдно». Отчего мы не подражаемъ ихъ достоивальному примѣру? Неужели оттого, что—страшно даже вымолвить—мы потеряли стыдъ?—Или почтенная краска древяго стыда замѣнилась у насъ невозмутимостью духа новѣйшей снисходительности, которая избрала своимъ девизомъ названіе комедіи Островскаго: «Свои люди—сочтемся!»

Просимъ «Отеч. Записки» вспомнить, о какихъ людяхъ онѣ говорятъ подобныя вещи; просимъ этотъ журналъ подумать о томъ, сообразно ли съ здравымъ смысломъ предполагать, что каждый порядочный человекъ въ грамотной Россіи не приметъ, какъ личное оскорбленіе себѣ, оскорбленіе наносимое пнеателямъ, которыми гордится русская литература?

Мы говоримъ прямо:

«Отеч. Записки» поступили неблагоприятно, давъ свободный разгулъ досадѣ, возбужденной въ нихъ тѣмъ, что онѣ лишились надежды имѣть своими сотрудниками гг. Григоровича, Островскаго, Толстаго и Тургенева.

На темные намеки мы отвѣчаемъ указаніемъ фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ.

Если «Отеч. Записки» будутъ продолжать свою неблагоприятную тактику, мы не отступимъ ни передъ какими объясненіями; на каждый намекъ мы будемъ отвѣчать фактомъ—факты всѣ говорятъ въ пользу писателей, неблагоприятно оскорбляемыхъ «Отечеств. Записками», и если этотъ журналъ заставитъ насъ сдѣлать эти факты извѣстными публикѣ, то это обнародованіе не доставитъ особенной радости «Отечественнымъ Запискамъ». Мы совѣтовали бы не подавать къ тому новаго случая. Пусть припомнитъ «Отечественныя Записки», какой ударъ нанесли онѣ себѣ въ 1846 году, неосторожно поднявъ шумъ о дѣлѣ, вовсе для нихъ невыгодномъ. Этотъ случай несомнѣнно повторится, если «Отеч. Записки» будутъ и въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствовать такъ же неблагоприятно, какъ тогда.

Повторяемъ. Мы не желали начинать этихъ объясненій и не желаемъ продолжать ихъ. Но мы не позволимъ безнаказанно оскорблять писателей, дѣлающихъ честь нашему журналу помѣщеніемъ въ немъ своихъ произведеній...

Вражда «Отечественныхъ Записокъ» къ «Современнику» вводитъ ихъ въ ошибки, пагубныя для нихъ. Новое подтвержденіе тому представляетъ помѣщенная въ октябрьской книжкѣ статья г. Галахова «Были и Небылицы», направленная противъ изслѣдованія г. Лайбова «О Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» («Современникъ» 1856 г. № VIII).

Не можемъ оставить безъ отвѣта этой страшно длинной выходки. Того требуетъ правило, высказанное нами выше.

Статья г. Галахова имѣетъ ученую наружность: она снабжена 153 цитатами, преимущественно изъ смирдинскаго изданія «Сочиненій Императрицы Екатерины II», и «сочиненій Державина»¹⁾.

Г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, кототорыхъ цѣль—«доказать односторонность или невѣрность выводовъ, заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже приобрести извѣстность, какъ между учащими—своею хрестоматіею и разными статьями, такъ между учеными—признашенъ, что въ составленіи своей хрестоматіи онъ руководствовался «Чтеніями о Словесности» г. Давыдова. (См. «От. Зап.» 1843 г., № 7).

Г. Галаховъ прежде всего выбралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣскольку строкъ, съ шести страницъ, оставивъ въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. (Методъ, за употребленіе котораго всегда хвалили «Отеч. Записки» добросовѣстныхъ своихъ оппонентовъ «Сѣверной Пчелы»). Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуетъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣрїи и тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ Фонвизина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, изъ всего разсужденія выводится, что «Быди и Небылицы» истинная характеристика тогдашняго общества и что на нихъ можно смотрѣть какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II до и послѣ 1783 г...

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ Наказа, изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣрїе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* амѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтранными мельницами. Приемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что, напр., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Гаяца Кюхель-

¹⁾ Примѣчаніе издателя. Дальше текстъ, какъ видно изъ рукописей, принадлежать, до послѣдняго абзаца, Н. А. Добролюбову.

гартена» и «Италію»,—тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галах ова разеуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ, мы видимъ много невѣрваго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣть на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говоришь въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову*. Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*беземысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10, Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что Ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки Ея считались по своей важности и серьезности равными «Наказу». Слава Ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на Ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь выказывала Она сама. Если бы Ея произведенія были дурны, и тогда Она бы потребовала, чтобы Ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе могла бы Она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему Она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи,— и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенные Имъ, должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно также *отдыгомъ* для Екатерины, какъ для Петра—точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и, если это литературное произведеніе, что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ»? Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлевы въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣрнѣе разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки, и изъ этого будто бы выходитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ, какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выпи- саны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ они относятся совсѣмъ не къ тому. Въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ авторъ «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ,

что переметаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьезное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современникъ», все писано какъ бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ чтобы составить стройное цѣлое.

Точно также опрочетливо поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей вѣстникѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предъидущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самодовольный, нерѣшительный, лгуны и проч. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что бѣглая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ замѣтками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго въ мимолетныхъ случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и какъ нельзя лучше согласуется съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и, между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьезныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочтавъ выписку, думаешь, что г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, между тѣмъ, гордо обѣщавъ опровергнуть выводы, представленные въ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Вѣстникъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаютъ въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ въ тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и Ея правительственныхъ уставы и учрежденія, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе,— вопреки заключенію г. Лайбова,—* что «Были и Небылицы»—живая и мѣткая сатира (но тоже самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно, мѣткая и живая*), но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очовь немногія, в то не важнѣвшаго. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ чтобы объять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселую часть, во время отдыха, а не съ серьезной цѣлью. Авторъ отказался отъ *мздоимца и ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческую тщеславность* равнымъ образомъ ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили нахъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, послуживанье въ служиванье предъ высними, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при молчаніи объ этихъ недостаткахъ вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ Императрица хотѣла написать *характеристику*, Она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія.

манія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ во второй статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отыскалъ г. Галаховъ въ Быляхъ», черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ невужными выписками изъ комедій Императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № III «Современника», и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной челоувѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ челоувѣкомъ, который нехстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр... авторъ вооружается противъ пристрастія къ ввоземному, особенно французскому, противъ того, когда челоувѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ...» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки—дѣло совсѣмъ во трудное. Г. Лайбовъ, конечно, сьуйлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирднское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ-три, и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не вправѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бы онъ писалъ статью о «вравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, о чемъ онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснитъ вопросъ вполне, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить

себя оди́вми «Былями», что «нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтїи пристрастіе къ французскому воспитанію, что дѣйствительно были суевѣрія, были масонскіи общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилюйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшеное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что и какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда выволь г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаётъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящемъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ и въ воспоминаніяхъ современниковъ, этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Ме щерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ» № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «Замѣчательно, что во время изданій «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовало полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*». Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о Фонвизинѣ, и о сатирическихъ журналахъ 1769—74 г. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ ногъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стофана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ выкинуть въ истинный смыслъ и духъ того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто официальная бумага—такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ и объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добратъся до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учреждений и приписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ нетрудно сооб-

разить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Саншеса*, *Гюма*, *Монтана*, припоминаются мибнія *Ришелье*, помѣщаются *вилециеесы* наставленія, указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *Датскаго* королевства, для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, высказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ, и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ официальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ: онъ смѣется Бецкому, что онъ робать воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робать въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ пѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ—оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ російскомъ» («Сем. Пор. Зап.», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и официальнымъ представленіемъ его: нехудо г. Галахову замѣтить эту разницу ¹⁾.

Теперь спросимъ: выигралъ ли г. Галаховъ, вызвавъ насъ на этотъ отвѣтъ? Не выиграла ли, напротивъ, статья г. Лайбова отъ его всудачныхъ нападеній, и какого результата достигли «Отечественныя Записки» помѣщеніемъ статьи г. Галахова?

---

¹⁾ *Примѣчаніе издателя.* Далѣе послѣднія строки писаны опять Н. Г. Чернышевскимъ.